

И.Т. Вепрева

irina_vepreva@mail.ru

д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета

Н.А. Купина

natalia_kupina@mail.ru

д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета

Екатеринбург, Россия

Полиция

Феномен переименования, выбор обращения, коннотация.

В статье на фоне общей проблемы переименования анализируется слово *полиция*, недавно вошедшее в актуальный лексикон. Охарактеризована социально-психологическая атмосфера, сопутствующая переименованию. Специально рассмотрена проблема обращения к страже порядка.

Частью государственной программы борьбы с коррупцией стало реформирование системы Министерства внутренних дел. В последние годы деятельность милиции сопровождалась громкими скандалами. В актуальный лексикон вошло сочетание «оборотни в погонах». В феврале 2010 г., будучи Президентом РФ, Дмитрий Медведев выступил с инициативой оптимизации структуры ведомства. Для широкого обсуждения в августе 2010 г. был опубликован проект закона «О полиции». Самое неожиданное — это название нового закона. Реформа правоохранительной системы должна превратить запятнавшую себя милицию в стоящую на страже закона полицию.

Переименование какого-либо объекта — значимое лингвокультурное явление,

демонстрирующее наивную веру в сверхъестественные возможности слова, силу словесной магии. В обыденном сознании слово нередко отождествляется с вещью, которую оно называет. Недаром существует популярный афоризм: «Как ты лодку назовешь, так она и поплы-

вет». Для новой России характерна тенденция обновления языка, которая часто проявляется как склонность к переименованию. Создание нового государства мыслится как генеральное переименование — смена названий государства, городов, улиц, учреждений,

изменение титула главы государства и др. При этом представляет интерес сама атмосфера, сопутствующая переименованию, поскольку она дает возможность охарактеризовать феномен социального настроения как актуализированного реального сознания.

По словам Дмитрия Медведева, «еще со времен Октябрьской революции органы правопорядка в нашей стране стали именоваться милицией... Тем самым подчеркивался их народный, или, как принято было говорить, рабоче-крестьянский характер <...> По сути, такие дружинники в погонах. Но нам нужны профессиональные люди. Нам нужны сотрудники, которые работают эффективно, честно, слаженно. Поэтому пришла пора вернуть милиции ее прежнее наименование и именовать в дальнейшем органы правопорядка *полици-*

ей». Мотивировка замысла понятна: слишком много одиозного связано с лексемами *милиция*, *милиционер*. Кроме того, *милиция* – это не самое точное слово для обозначения правоохранительных органов.

При разработке проблемы переименования не была учтена отрицательная коннотация, которая сопровождает восприятие лексемы *полиция* прежде всего у старшего поколения. В народном сознании слово *полиция* ассоциируется, во-первых, с царской полицией, жандармерией, которую клеймила коммунистическая пропаганда (в советское время сложились устойчивые сочетания *полицейское государство*, *полицейские методы*), во-вторых, с полициями. Этой презрительной кличкой в период Великой Отечественной войны называли лиц из числа местного населения, завербованных оккупантами

на службу в фашистскую полицию. Вот почему обсуждение проекта закона сопровождалось активной языковой рефлексией. Слово *полиция* получило характеристику *мерзкого, отталкивающего, непопулярного, ненавистного* россиянам названия, вызывающего злобу и ненависть у тех, кто помнит войну. У молодых граждан России возникали ассоциации другие: сравнение высокого красивого американского полисмена в мундире с золотыми нашивками с нашим милиционером-постовым в измятой форме и стоптанных ботинках.

Прежняя номинация *милиция*, несмотря на неоднозначное к ней отношение, за годы советской власти обросла положительными культурными смыслами. При обсуждении проблемы переименования все активно цитировали Владимира Маяковского («Моя милиция меня бережет»), Сергея Михалкова, создавшего запоминающийся образ отважного и доброго дяди Степы-милиционера. Употребление в речи слова *милиция* сопровождалось устойчивыми эпитетами *милая, родная, наша*.

Как свидетельствует языковой материал, негативное отношение к милиционеру и опосредованно – к милиции выражается в производных от нейтральной номинации жаргонных единицах: *милтон*, *мент*, *ментюк*, *ментяга*, *ментяра*. Еще одно неприятное слово *мусор* произошло от аббревиатуры МУС – Московский уголов-

ный сыск. В разговорном обиходе закрепилась лексема *мент*, односложное выразительное слово по сравнению с длинным (в пять слогов) словом *милиционер*.

Переименование милиции в полицию вызвало еще одну речевую проблему: как следует теперь обращаться к стражам порядка? Глава Министерства внутренних дел сначала порекомендовал обращение *господин полицейский*. Но потом передумал: мол, пусть решит народ. Опросы, проведенные федеральными газетами, показали, что задача осложняется дефицитом вежливых форм обращения к незнакомому человеку. Вот типичные ответы опрошенных, свидетельствующие о привычной замене формул обращения формулами отношения: *Как обращался в неопределенно-личной форме, так и буду обращаться: Простите, вы... Извините, я...; После советского времени я стал просто обращаться на «вы», не употребляя ни званий, ни «товарища» или «господина»; и об аналитических поисках адекватной лексемы для обращения к полицейскому: Обращение «господин» не подходит, западное «офицер» у нас не приживется, «товарищ» закрепилось за словом «милиционер». Учитывая, что все мы граждане, я бы предложил обращение «гражданин полицейский», «гражданин полковник»; Странно как-то к молоденькому мальчику обращаться «господин полицейский». Просто «полицейский» тоже*

не звучит. Это будет неуважительно: эй, полицейский!

Конкуренция обращений *товарищ, господин* воспринимается как нравственно-идеологическая. Вот как трактует вопрос о выборе обращения артист и общественный деятель Олег Басилашвили: *Обращаться к полицейскому «господин» можно. Слово-то хорошее – таким образом человек, который к нему обращается, предполагает в нем некое человеческое достоинство. Но даже если я по старинке скажу «товарищ полицейский» – меня посадят, что ли? Другое дело, как обратится к вам сам полицейский. Не скажет же он: «Ну, ты, пошли за мной!» Видимо, «господин, позвольте проверить...», «господин, пройдемте...». Обязательно отдав честь. А если он скажет «товарищ», мне все равно, лишь бы меня ни за что в отделение не забрали. В любом случае норма обращения должна быть четко обозначена в уставе.*

СМИ был проведен опрос среди населения, позволивший выявить набор возможных обращений и мотивацию выбора каждого из вариантов. Приведем предложенные обращения в порядке своей популярности у читателей. Рядом с каждым из них – наиболее типичное обоснование того, почему именно этот вариант показался проголосовавшему лучшим: *По званию (сержант, лейтенант, капитан и т.д.) – Так проще! Для этого нужно, чтобы на форме были нанесены*

соответствующие звания; Офицер – Как во многих странах. Коротко. Уважительно; Гражданин полицейский – Все мы граждане России, и никому не будет обидно, что как полицейский, так «господин», а все остальные, так «граждане»; Господин полицейский – Управы, головы, префектуры и прочая лексика уже давно прижилась и не режет ухо; Товарищ милиционер – Милиция – милиционер, полиция – милиционер; Инспектор – Господ прогнали в 1917 г., товарищей не стало в 90-е гг. прошлого века, граждане в местах не столь отдаленных... Так что выбираем что-то нейтральное; Товарищ полицейский – Это одновременно и привычно и просто, да и слух не режет. Это хоть как-то выделит наших полицейских от зарубежных; Полисмен – Благозвучное сочетание. Хорошие ассоциации.

Интерес представляют газетные заголовки, информирующие о начале действия закона «О полиции», вступившего в силу 1 марта 2011 г. (выборка первой недели марта): *С днем полиции, господа-товарищи; Милицеевская «перезагрузка»; Вчера российская полиция приняла пост у милиции, отправив последнюю на свалку истории; Прощай, мент! Открой-те, полиция! Встречайте: полиция! Родная полиция нас бережет; Рабоче-крестьянская полиция; Полиционеры переходного периода; Ищут пожарные, ищет полиция...; Ровно в полночь Зо-*

лушка-Милиция превратилась в Принцессу-Полицию! Что полисмен грядущий нам готовит; Госпожа полицейская звучит круто! Разрешите обратиться, товарищ полицейский? От МИ до ПО недалеко; Кто теперь нас бережет? «Ми» упало, «по» пристало; Милиционер пост сдал – полицейский принял; Дядя Степа полицей; Дядя Степа – милиционер? Яцилоп (слово полиция, прочтенное наоборот). Языковой карнавал обнаруживает конфликт старого и нового, «своего» и «чужого».

Журналисты ведут прямой репортаж из «горячих точек». В ночь на 1 марта корреспондент «Комсомольской правды» отправляется в рейд с сотрудниками ОВД по району Строгино, чтобы своими глазами увидеть, как произойдет таинственное превращение милиции в полицию: *А кто займет камеру предварительного заключения в первые минуты переименования милиции в полицию? Доставлен житель района за кражу*

из магазина. Задержанный, 35-летний Иван Серегин, признается: – Спер бутылку водки за 107 рублей. Выпить хотел... – А вы знаете, где находитесь (вопрос с подковыркой: на часах – начало первого)? – Как где? В милиции. Ой, то есть уже в полиции! – А как обращаться к сотруднику, знаете? – Полицмейстер, наверное.

Создавшаяся лингвокультурная ситуация, безусловно, стимулировала оценочные реакции, отражающие настроение общества, стала поводом для анекдотов и языковых шуток. Блогеры занялись шуточной этимологией слов полиция и милиция. Ностальгическая эпиграфия такова: *оказывается, милиция означает милые лица, а полиция – по лицу! Мусор – это американское ту сор (мой полицейский), прочитанное русскими буквами. А один из чинов МВД предложил расшифровку слова мент: «мой единственный надежный товарищ».*

Большая часть контекстных реакций носит ирони-

ческий характер. Например: *Прошу зачислить в штат подразделений полиции т. н. лежачих полицейских! Да, внешне эти господа неказисты, рядом с ГОСТом и близко не лежали. Но разве во внешнем блеске дело? Эти скромные труженики асфальта и днем и ночью находились на своем посту, когда еще никто и не помышлял о переименованиях. Кто скажет, что они не были в своей службе бескорыстны, бесстрастны и беспристрастны, стойки и тверды? Они не делали различий между машиной пенсионера и миллионера, рыночного торговца и подполковника милиции. И кто знает, сколько ДТП предотвратили и, может, жизней спасли – они же не бахвалились своими подвигами на каждом углу. А ведь именно о проявлении таких качеств в наших новорожденных полицейских мы мечтаем, проводя реформу! Услышь наш зов и восстань, господин лежачий полицейский! Влейся в ряды молодых!*

Лежачий полицейский

Вот несколько анекдотов переходного периода, в которых обнаруживается настороженное отношение к старым и новым номинациям, за которыми фактически стоят одни и те же реалии и лица.

1 марта в российском вытрезвителе: – Как хорошо, что у нас теперь есть полиция! Вот вчера нас забрали менты позорные, а сегодня отпускают господ полицейские; Что будет, если милицию переименуют в полицию? – Менты станут понтами; Встречаются как-то милиционер и полицейский: – Вот ты мне скажи, оборотню, как дважды оборотень...

В марте 2011 г. актуальные единицы *милиция* и *полиция* в текстах СМИ объединяются в границах одного метаязыкового высказывания: *наша милиция, или, как сейчас она называется, полиция; милиция (то есть уже полиция); подразделения милиции (полиции);* перечислительного ряда: *что полиция, что милиция; полисьмены, милиционеры или полицайи;* в виде сращений: *все эти полиции-милиции; милицейско-полицейские; милиция-полиция; това-*

рищи милиционеры / милиционеры; усечений: мили... то есть полиция; еще не по, уже не ми. Лингвистические эксперименты обнаруживают процессуальный характер перехода к новой номинации.

Среди составных наименований особое место занимают новообразования, представляющие собой гибрид, результат контаминации двух единиц *милиционер* и *полицейский*: *Полицонер, мил / милиционеры, милиполицейские.* Эмоциональную поддержку находит изобретенный в переходный период окказионализм *полицонер*: *Это по-нашему! Вроде и новизна присутствует, и привычной для русского уха; по-доброму и по-домашнему звучит.* Реже встречаются неологизмы *пилиция* и *полицмент*.

Прошло два года с момента вступления в силу закона «О полиции». Речевая практика демонстрирует, что сегодня слово *полиция* свободно функционирует в русском языке и при этом наследует лексическую валентность вытесненного варианта. Активны, как и прежде, типовые субстантивные сочетания: *сотруд-*

ники полиции, полиция Санкт-Петербурга, пресс-секретарь полиции УМВД по Приморскому краю, лейтенант полиции, глава столичной полиции, отделение полиции; инспектора патрульно-постовой службы полиции, департамент полиции. Можно проследить типовую сочетаемость с глагольной лексикой: *вызвать полицию, обратиться в полицию, создать новую форму для полиции, полиция стреляет, защищает, задержала полиция;* с отглагольными существительными: *произвол полиции, столкновения с полицией, служба в полиции, сделать работу полиции максимально прозрачной.* Слово приобретает заданное ситуацией атрибутивное сопровождение: *полиция российская, московская, петербургская, военная, дорожная, лесная, налоговая* и др.

Заняв прочное место в актуальном лексиконе современного русского языка, слово *полиция* должно наполниться актуальными для сферы правоохранительной службы положительными коннотациями. Но этот процесс носит уже неязыковой характер.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

I.T. Vepreva, N.A. Kupina

POLICE

Renaming phenomenon, addressing choice, connotation.

The article reviews a common problem of renaming with the close analysis of the word *police*, recently becoming a part of the actual lexicon. The authors characterize the social and psychological atmosphere during the process of renaming and review the problem of addressing to a policeman.